

Л. Л. Петрова

Ремесла и промыслы крестьян Кирилловского уезда

Главным занятием населения Кирилловского уезда издавна было земледелие. Однако природно-климатические условия региона делали его малоэффективным. К концу XIX века производство зерна не покрывало и половины потребности крестьян в нем. Кроме того, после земельных реформ 1860-х годов начинает набирать силу явление, получившее у историков название «аграрного перенаселения». Не имея возможности из-за нехватки средств увеличить площадь обрабатываемой земли, сотни крестьян не могли найти применения своему труду в сфере сельскохозяйственного производства и вынуждены были заниматься промыслами, ремеслами или искать заработки на стороне. Наибольшего размаха в Кирилловском уезде достигли занятия, связанные с заготовкой и переработкой древесины. В XIX веке леса в уезде, несмотря на интенсивную рубку, занимали 71% его площади. Близость Уломы Железнопольской подталкивала развитие кузнечного дела, которое особенно интенсивно развивалось в Талицкой и Заудомской волостях. Природные запасы глины в местностях, прилежащих к Кириллову, способствовали развитию гончарного промысла и кирпичного производства. Продукция растениеводства и животноводческого сырья перерабатывались на многочисленных маслодельнях, сыроварнях, винокуренных и кожевенных заводах. Лен был основой домашнего ткачества, кружевоплетения, а вытканное полотно и выплетенное кружево через местные торжки и ярмарки попадали в руки крупных российских скупщиков. Развитие промыслов и ремесел оказало благоприятное влияние на экономику уезда и способствовало улучшению благосостояния населения.

Посудный и ложкарный промыслы

Начиная с XVI века документы отмечают развитие деревообработки как в самом Кирилло-Белозерском монастыре, так и в его вотчинных селах и деревнях¹. В монастыре имелись «токаренная изба» и «ложкарня», где мастера изготавливали деревянную посуду и деревянные ложки². Материалом служила карельская береза, вяз,

дуб, чинара, липа и другие породы дерева. Изделия, вышедшие из «токаренной избы», затем раздавались для росписи наемным «судописцам», работавшим в самом монастыре или его вотчинах³. С XVII века в монастыре появились «жалованные судописцы», получавшие за свою работу корм и раз в год жалованье⁴. Огромное количество посуды шло на продажу. Ковши, ложки, черни для ножей возами везли в Вологду, Великий Устюг, Москву, Новгород, Ярославль. Тщательностью отделки отличалась посуда, готовившаяся «в подарок», т. е. в подарок или на заказ⁵. Кроме посуды, монастырские мастера выполняли резные иконостасы, царские врата, киоты для икон, шкафы.

Традиции посудного и ложкарного промысла дольше всего сохранялись в деревнях Волокославинской волости Кирилловского уезда. Еще в конце XVIII века здесь изготавливали большие ковши-скопкари, солоницы-утицы, ложки. К концу XIX века деревянная посуда почти полностью вышла из употребления, в обиходе сохранялись лишь банные ковши с длиной до метра рукоятью, точеные блюда, хлебные чашки, черпаки-половники. Производство же ложек продолжало сохраняться вплоть до 1920-х гг.

Изготовление их велось исключительно ручным способом. Лишь небольшой токарный станок облегчал труд ложкаря. Материалом для изготовления ложек служила осина или береза. По величине и некоторым особенностям формы ложки получили различные названия: бутырки, межеумки, ложки «с грачиком». Бутырки выполнялись из крупных заготовок-баклуш. Их отличал большой объем самой ложки и толстый ровный черенок. Ложки-межеумки имели средние размеры. Ложки «с грачиком» заканчивались небольшой головкой — «грачиком».

Изготовление ложек проходило четыре стадии. В кустарном производстве каждую выполнял отдельный мастер: баклушник приготавливал полена — «баклуши», ложкарь делал собственно саму ложку, завивальщик обрабатывал, «завивал» черенок, красильщик отделывал уже готовую ложку.

Мастера-ложкари возами покупали дерево нужных пород у своих односельчан, специализировавшихся на его заготовке. Как правило, в промысле участвовала вся семья. Производительность труда по операциям была различной. Так, если член семьи, занимавшийся обработкой баклуши (ложкарь) мог сделать в день не более 500 ложек, то «завивальщик» на лучковом токарном станке за это же время мог выточить до 5000 черней⁶. Семья ложкаря зарабатывала примерно один рубль или немногим более того за неделю труда. Готовые ложки олифили до трех раз, просушивали в нежаркой русской печи в подвешенном состоянии, но эту операцию выполнял,

как правило, уже скупщик-«хозяин». В этой роли выступали мелкие торговцы, лавочники, приказчики богатых купцов. Так ложкари из деревни Дорогуша работали на скупщика Дружинина, из деревни Кожевницы — на Бучина, из Михалева — на Аничкова, из Николоторжка — на волокославинского купца Зайцева и скупщика Остроцова, татаровские ремесленники сдавали свои ложки Осарьеву⁷. Мелкие перекупщики в свою очередь перепродавали проолифенные и расписанные ложки более богатым торговцам, которые и занимались продажей.

После 1917 года производство ложек не прекратилось, они продолжали составлять значительную часть продукции Кирилловских мелких артелей. Особенно большое количество ложек производилось во время Великой Отечественной войны в Кирилловском райпромкомбинате. Работали в основном надомники из старых «ложкарных» деревень. Так в 1943 г. было произведено 5934 ложки⁸. С конца 1960-х гг. производство ложек как сувенирной продукции было начато в цехе при Кирилловском деревообрабатывающем заводе. Ложки стали отличаться небольшими размерами и тщательностью отделки. Они покрывались серебряной пудрой, олифались, высушивались в печах, расписывались травным орнаментом или украшались с помощью штампов многолучевыми розетками и точеным орнаментом. Во многом эти поздние ложки повторяли лучшие образцы волокославинских ремесленников, изготовленные в прошлом веке.

Берестяной промысел. Корзиноплетение

Плетение из бересты — исконное занятие крестьян Кирилловского уезда, в котором они достигли значительного мастерства⁹. Этот вид деятельности хотя не перерос рамки домашнего ремесла, однако часть продукции разными путями попадала на многочисленные торжки и ярмарки.

О широком применении берестяной утвари в хозяйстве есть множество свидетельств, но, пожалуй, главным доказательством ее повсеместного распространения является то, что плетеные берестяные предметы бытуют в кирилловских деревнях вплоть до настоящего времени.

В XIX веке изготовлением берестяной утвари и обуви занимались все крестьяне без исключения, но в деревнях лесной Ромашевской волости Кирилловского уезда берестоплетение приняло особенно большой размах. Болотистые лесные земли не давали здесь достаточного урожая, а оторванность от рынков сбыта сдерживала развитие лесных промыслов. Изделия из бересты плели в надежде

обменять на хлеб и соль. Береста, или как ее чаще называли в Кирилловском уезде берёста, — верхний слой коры березы, являлась прочным и красивым материалом. Заготовки бересты производились, как правило, в конце мая — начале июня. С коротких чурбаков березовые «склотни» снимали целиком, а с растущих деревьев бересту резали лентами по спирали, сматывая в большие клубки, внутренней, желтой стороной наружу. Заготовленную бересту «ошмыгивали» (очищали), ровняли кромки, резали на полоски нужной длины. Плели с помощью «котача» — небольшой изогнутой лопаточки. Ленты при плетении придерживали в нужном положении палочками-щемилками.

Все работы с заготовленной берестой начинали осенью, после завершения основных сельскохозяйственных работ. Каждый крестьянин знал, как сплести немудреную обувь — лапти, заплечный короб, суму-зобенку. На зимних сборищах молодежи — посиделках «ковыряли» (плели) лапти не только парни, но и девушки.

Набор выплетаемых берестяных предметов был очень разнообразным. Много выдумки, изобретательности проявляли крестьяне в изготовлении такого важного в хозяйстве предмета, как солонки для хранения соли. Большие, до полуметра высотой, бутылеобразные солонки с высокой узкой горловиной закрывали берестяным стаканом или массивной деревянной пробкой. Настольные солоницы плели в виде коробочки с крышкой. Походные солоницы имели г-образную форму и отдаленно напоминали птицу — утицу. При плотном многослойном плетении достигалась почти полная герметичность солониц. Самое широкое распространение в крестьянском хозяйстве имело лукошко. В зависимости от характера использования оно могло быть выше или ниже, шире или уже. В лукошках хранили муку, яйца, крупы. Из узких берестяных полос плели налопаточники, «косники» — своеобразные футляры, надевавшиеся на рабочую часть косы во время ее переноса. Непременной принадлежностью ушедших далеко от дома косцов, охотников, грибников, сборщиков ягод были вместительные удобные пестери — заплечные коробки с откидывающейся трапециевидной крышкой. Большое распространение имели кузова или кузовки-лукошки с перевеслом.

В XIX — начале XX вв. широко использовали берестяную обувь. К сезонным полевым работам готовили не один десяток лаптей.

Помимо плетения из полос бересты, в уезде существовал и иной способ работы с этим материалом. Высокие цилиндрические сосуды-туеса, в которых хранили и переносили молоко, сметану, мед, солония мастерили из цельных «сколотней» и пластин — «скал». Способ изготовления туеса был следующий: на снятый с чурбака березовый «сколотень» сверху накладывали другую берестяную

пластину, внутренней стороной наружу, и сшивали ее в замок. В край вставляли деревянный обод и пришивали его вересковым корнем. Затем распаривали нижний край и вставляли донце. Сверху подгоняли крышку с дугообразной ручкой. Туеса обычно расписывали растительным орнаментом по ярко-оранжевому фону. Термоизоляционные свойства бересты таковы, что даже в июльский зной квас в туесе оставался холодным. Занятие берестоплетением отразилось и на топонимике Кирилловского уезда: Бураково, Пестерево, Лыткино, Лычково — вот далеко не все бытующие названия, связанные с этим ремеслом.

Не меньше берестоплетения распространено было плетение корзин, коробов, пестерей из сосновой дранки, лозы, соснового корешка. Древесина сосны, выросшей на болоте, легко расслаивается на тонкие пластины и для плетения материал вполне пригодный. Плели «по прямому» или косыми рядами, верх закрепляли березовыми или черемховыми ободами, украшали бахромой из бересты. В начале XX века особенно славились плахинские корзинщики. Они отправляли на торг в Николо-Волок по десятку возов с драбочными корзинами в день. Данное ремесло было распространено в деревнях Лещево, Андроново, Русаниха, Альферово вплоть до 1970-х гг.

Гармонный промысел

Начало изготовления гармоний в Кирилловском уезде восходит к 1850-м гг.¹¹ Мастером, изготовившим первый инструмент, был Иван Разин из деревни Гора Волокославинской волости. Образцом ему послужила гармошка-«черепанка», увиденная в соседнем Череповецком уезде. Сын Разина, Фирс, продолжил дело отца¹². Постепенно ремеслом гармонщика заинтересовались соседи. Разины руководили промыслом, раздавали заказы, собирали и перепродавали готовый товар¹³. К 1904 г. из пятидесяти одной деревни, входящей в Волокославинскую волость, в двадцати двух делали гармонии. К этому моменту свои гармонщики были уже и в соседних волостях: Бураковской и Ферапонтовской. Из названных волостей только в Петербург ежегодно вывозили гармоний на 80 тысяч рублей¹⁴.

В гармонном ремесле сложилось и закрепилось строгое разделение труда. Кустари знали, как правило, в совершенстве какую-либо одну операцию, изготавливали какую-либо одну деталь, добиваясь чистоты изделия и скорости исполнения. Лишь немногие могли собрать инструмент целиком. Это естественно приводило к полной зависимости кустарей от хозяев — заказчиков, которые были зачашую из местных небогатых купцов.

Специализация в гармонном деле зашла так далеко, что было не менее десятка мастеров, связанных цепочкой производства: корпусники выполняли из своего дерева рамки-корпуса и резали крышки к ним из ольхи; меховщики (чаще всего женщины) делали гармонные меха из картона, ситца, кожи; голосовщики изготавливали «голоса» — звучащие элементы инструмента из меди, латуни. Были еще планочники, верховщики, устройщики, сборщики и др.

В XIX в. выпускалось несколько видов гармоний, что объяснялось естественным желанием хозяев представить на рынок широкий выбор инструментов, тем более, что рынок заполняли более дешевые тульские гармонии. Наибольшим спросом пользовались двухрядные и однорядные «тальянки» (исп. итальянки); гармонии с изящной отделкой, называвшиеся «немецкими»; двух-, трех-, и четырехрядные гармошки со срезанными углами — «питерки», называвшиеся так потому, что основными покупателями их были питерские рабочие; маленькие, но звучные концертные гармонки. Последние стали изготавливать с середины 1880-х гг., благодаря гармонщику Алексею Логинову из деревни Красной Ферапонтовской волости¹⁵. С 1911 г. начали делать «хромки», названные позже баяном.

Пытаясь помочь развитию промысла, в 1904 г. Кирилловское земство ходатайствовало перед Министерством Народного просвещения об организации ремесленного класса при Волокославинском училище для подготовки мастеров-гармонщиков¹⁶. Позже класс был открыт, что послужило расширению гармонного производства.

В октябре 1917 г. на базе гармонных деревень образовалась артель «Севкустарь», продолжавшая на новых организационных началах производство музыкальных инструментов¹⁷. Центром артели стали мастерские в селе Благовещенье. Количество артельщиков постепенно увеличилось с 68 человек в 1925 г. до 199 в 1928 г. В ближних деревнях с устоявшимися ремесленными традициями стали возникать специальные цеха — корпусный, меховой, голосовой. Продолжили работу и мастера-надомники. Постепенно в производство были вовлечены жители более чем 50 деревень. Базовые мастерские находились в деревнях: Великая Гора, Лукинская, Красново, Раменье, Яршево, Глебовская. Параллельно с артелью «Севкустарь» существовали артели: «Гармонщик», «Красная нива», «Коопкустарь». С каждым годом росло количество выпускаемых инструментов. Так, в 1935 г. Кирилловпромосоюз реализовал по договорам 1947 баянов и 1870 гармоний¹⁹.

В апреле 1936 г. произошло объединение всех гармонных артелей под эгидой артели «Севкустарь»²⁰. Первым директором объединения артелей стал А. П. Богданов, возглавлявший ее до 1956 г., а главным конструктором являлся А. М. Панов. В артели

состояло около 500 кустарей; те, которые состояли членами колхозов, были освобождены от сельскохозяйственных работ. По плану «Севкустарь»²¹ должен был изготовить в 1936 г. 2200 баянов и 5800 гармошек.

К 1940 г. производство было сосредоточено в четырех отделениях: первое (центральное) находилось в с. Благовещенье, второе — в деревне Верхняя Гора Красновского сельсовета, третье — в деревне Яршево Ферапонтовского сельсовета, четвертое — в деревне Мелковское-Новоселки. В это время артель объединяла 417 человек. Годовое производство инструментов достигло 2087 баянов и 2335 гармошек²². Артель продолжала работать и в годы Великой Отечественной войны. Кроме основной продукции, выпускались губные гармоники, ученические ручки, шахматы, лыжи и многое другое. Мужские профессии были освоены женщинами, девушками, подростками.

В 1954 г. артель обрела новое имя «Северная мелодия». Постепенно восстановилась довоенная численность рабочих, вернулись старые мастера. Музыкальные инструменты, выработывавшиеся здесь, отличались как красотой звучания, так и тщательностью отделки корпуса. Все большую долю в продукции занимали концертные баяны. В 1956 г. директором артели стал В. М. Малютин, прекрасный организатор и большой знаток гармонного дела.

С 1961 г. артель была преобразована в фабрику баянов. Реорганизация производства, освоение поточных линий позволили выпускать все больше отличных по звучанию инструментов. Популярность кирилловского баяна была велика как у любителей, так и у профессионалов.

Казалось, перед фабрикой открываются прекрасные перспективы, однако произошло непоправимое: в 1963 г. сгорело здание фабрики (располагалось в приспособленной Благовещенской церкви), где было сосредоточено основное производство. Фабрику закрыли. Мастера, естественно, частью ушли на другие предприятия, частью перешли на аналогичное производство в Вологде. Лишь в 1974 г. была сделана попытка оживить некогда популярное производство в этом районе. В селе Волокославинское был открыт специальный участок по изготовлению отдельных деталей к баянам и гармоникам. К концу 1970-х гг. на производстве работало четырнадцать человек; ими изготавливались ручным способом самые трудоемкие детали к инструментам — голоса к баянам и гармошкам, собирались детские гармоники. Однако этим участком Вологодская фабрика баянов больше решала свои проблемы, о восстановлении производства в полном объеме не было и речи. Несколько старых гармонных мастеров района продолжают сотрудничать с Вологод-

ской фабрикой и в настоящее время. Редко, но еще делаются инструменты на заказ, ремонтируются старые гармоники, но традиции постепенно утрачиваются, так как обучения молодежи почти не происходит.

До 1961 г. в селе Никольский Торжок работала гармонная школа, где наравне с общеобразовательными предметами обучали нотной грамоте, игре на музыкальных инструментах, слесарному делу, деревообработке, готовили мастеров для гармонного производства²³. Гармонная школа служила базой огромного промысла. Выпускники работали не только в артели «Севкустарь», но и в иных подобных объединениях. Так, большое число гармонщиков имела артель инвалидов «Коллектив»²⁴, гармонщики работали и в «Разнопромартели». Общее число инструментов, выпускаемых в Кириллове и «гармонных» селах, порой превосходило 10 тысяч.

В Кириллове и его окрестностях живет много прекрасных музыкантов-гармонистов, играющих на своих же инструментах. Слава кирилловской гармонии не затухает. Столетие развития гармонного промысла оставило неизгладимый след, что дает надежду на восстановление промысла.

Кожевенный промысел

В XIX — начале XX вв. в Кирилловском уезде значительных масштабов достигло кожевенное производство. В 1892 г. здесь было шестьдесят шесть²⁵ кожевенных заводов с восьмьюдесятью шестью работающими. Количество их с годами увеличивалось и в 1903 г. заводов уже было шестьдесят девять²⁶. Наибольшее число таких предприятий размещалось близ села Николо-Волок (Никольский Торжок); имелись они также в Бураковской, Волокославинской, Зауломской и Ферапонтовской волостях.

Как правило, кожевенный завод представлял собою небольшую избу, часто неотапливаемую, в которой размещались 3-4 деревянных чана двухметрового диаметра. Крупные заводы выпускали в год до 150 кож, малые — 10-15 кож. Изготавливали красноватую грубую кожу, так называемый «простяк».

В экономическом отношении кожевенный промысел в Кирилловском уезде находился в весьма благоприятных условиях, так как сырье здесь было сравнительно дешево, в достатке имелось ивовое корье, вода. Готовый товар сбывался на местном рынке. Наиболее бойким местом для сбыта кож считался торжок в селе Николо-Волок. Кроме названного торжка, кожевники посещали все крупные ярмарки в Кириллове и уезде. Многие заводы перерабатывали и отходы кожевенного производства — шерсть, мездру, хвостовые кисти²⁷.

Так на земской сельскохозяйственной выставке в 1904 г. медалью была отмечена шерстяная вата, являвшаяся продуктом переработки кож.

Но зажиточную часть населения Кирилловского уезда не удовлетворяло низкое качество кож кирилловских кожевен. Они предпочитали покупать хотя и дорогой, но более разнообразный и прочный товар вологодских заводов. Подобная конкуренция заставляла местных мастеров искать более рациональные приемы выделки кож. Наибольшую активность проявил Алексей Блинов, крестьянин из деревни Захарьино Бураковской волости, по просьбе которого Кирилловская земская управа ходатайствовала перед министерством земледелия о командировании в уезд специалиста-кожевника.

Техник кожевенного производства К. Р. Стронский прибыл в Кириллов в ноябре 1899 г. Экономический совет земства выработал план совершенствования кожевенного дела в уезде, и, согласно ему, в течение шести месяцев Стронский налаживал работу нового завода, принадлежавшего Блинову²⁸. На заводе установили различные механизмы и приспособления для отделки кожи, здесь техник вел обучение всех желающих. Под руководством Стронского были выпущены опытные партии белой и черной юфти, белых и черных опоек и выростков (сорта телячьей кожи), опойки на сапожную лайку, подошвенный товар, который до этого все кирилловские сапожники закупали у вологодского кожевника Бурлова. Стронский научил кирилловских кожевников отделке черной юфти «под шагрен», выделке шкур лося на замшу, окраске кож анилиновыми красителями в разнообразные цвета.

Выделанные кожи поступали на рынок через перекупщиков. Это, естественно, сказывалось на доходах владельцев кожевенных заводов, поэтому экономический совет Кирилловского земства, пытаясь помочь кожевникам выбраться из цепких рук перекупщиков, предложил сбывать кожи через склады земства безвозмездно²⁹. А поскольку экономическое положение владельцев кожевенных заводов не отличалось стабильностью, земству не раз приходилось выручать мелких хозяев, снимая с них часть задолженности по ссудам и налогам³⁰.

Работа К. Р. Стронского позволила несколько улучшить состояние кожевенного промысла, но, стараясь получить доход как можно быстрее, многие из владельцев кожевенных заведений нарушали технологию, выпускали некачественный товар, внешне выглядевший хорошо. Это снижало спрос на местные кожи³¹.

При наличии кожевенного сырья развивалось и сапожное производство. В 1892 г. в городе Кириллове трудилось двадцать два сапожника, которые изготавливали не только сапоги, но и другую

более сложную обувь: дамские ботиночки, туфли, детские башмаки³². В свободное от сельскохозяйственных работ время шили обувь и деревенские сапожники. Подобный промысел был распространен вплоть до 1950-х гг., причем сапожники часто работали не только в своей сапожной мастерской, но и в домах заказчиков.

В 1930-50 годы несколько десятков сапожников работали на дому под эгидой «Разнопромартели» и артели инвалидов «Коллектив»³³. Выпускавшаяся ими продукция полностью шла на местный рынок.

Гончарный промысел

Гончарное ремесло является одним из древнейших на территории Кирилловского уезда. Достаточно взглянуть на большое количество археологической керамики XII-XIII вв. из раскопок в Нефедьево, чтобы понять, что этот вид народного искусства был развит уже в те далекие времена³⁴. Лепные и круговые сосуды, найденные в погребениях, имеют тщательную отделку, изящные украшения на тулове из рубчатых поясков или косо положенных крестов.

Еще в конце XIX в. в обиходе жителей Кирилловского уезда продолжала существовать великолепная чернолощенная керамика. Центр ее производства находился в деревнях Павлоково и Игнатьево Бураковской волости, но особенно славились своими изделиями гончары Корулины, Мишинцевы и Свистуновы. Обычно работали семьями, наиболее состоятельные имели на задах отдельно стоявшие «заводы» с горнами для обжига керамики. Гончары победнее работали прямо в жилых избах, и тут же в русских печах вели многочасовой обжиг керамики. Для копти при обжиге чернолощенной керамики подбрасывали смолистые щепки, смоляную паку, бересту. Особое место в продукции этого промысла занимали большие, почти метровые, чернолощенные кувшины с втульчатым рыльцем и петлеvidной ручкой под горловиной. Создание этой красивейшей формы было доступно немногим, и к концу XIX в. эти кувшины уступили место более простым сосудам.

В павлоковских гончарнях был изобретен и особый сосуд-уточка для сбора воды, стекавшей в лоток остекленных зимних рам — изделие, в котором воплотился скульптурный дар простых горшечников, сумевших даже утилитарный предмет превратить в подлинное произведение искусства.

Еще более архаичный способ обработки керамики существовал в гончарнях Ферапонтовской, Заулумской и Воскресенской волостей. Изготовлением керамики в Ферапонтовской волости занимались в деревнях Гридино, Демидово, Нова, Глебовская, Шишкино; в

Зауломской волости — в деревне Малино. В деревнях Малино и Гридино делали обварную керамику. Сформированные на гончарном круге и просушенные сосуды обжигали в русских печах: в печь складывали клеткой плахи, сверху расставляли готовые к обжигу сосуды; дрова прогорали, и посуда обжигалась, постепенно оседая и раскаляясь докрасна. Обожженный сосуд доставали из печи кочергой или специальным крюком, быстро окунали в приготовленную в корыте картофельную болтушку, вскипавшую на стенках. Обвара оставляла пятна, разводы на стенках сосудов, которые и выполняли роль своеобразного внешнего оформления изделия. Указанной обработкой достигалась водонепроницаемость черепка, но не каждый горшок ее выдерживал, так как малинские глины были значительно хуже гридинских, и многие изделия раскалывались. Это не замедлило сказаться в местном фольклоре. Гридинские девушки пели на посиделках:

Уж на Малине не што бы-те народ,
Да у них груды черепушек у ворот...³⁵

В 1930-х гг. гридинские и малинские горшечники изготавливали большое количество детских игрушек: свистулек, котят в сапожке, коней, птиц, игрушечную посуду, а малинский гончар Н. Ф. Елизаров делал обварную керамику вплоть до 1980-х гг.

Прекрасные обварные сосуды делали гончары в деревнях Огарковской и Анциферовской Воскресенской волости (теперь эти деревни находятся на территории Вожегодского района). С деятельностью воскресенских гончарен связаны гончары Горюновы, Екимцевы, Шадрины, Ивакины, Андрияновы, Прокопьевы и др. Сосуды, выполненные здесь, отличаются мягкими каплевидными формами, спокойной линией силуэта, темным, красновато-коричневым бархатистым черепком. Латки и небольшие приземистые кувшины украшали рифленным зашипнутым воланом по краю.

Во всех уже упоминавшихся гончарных центрах умели делать и глазурованную керамику, но за неимением всех компонентов, необходимых при глазуровании, пользовались чаще более традиционными

способами. В том же случае, если все необходимое все же добывалось, то мастера могли делать керамику с тонкими стекловидными поливами, расцвеченными желтым, зеленым, фиолетовым цветом.

Самым взыскательным вкусом отвечала керамика А. А. Цыганова из деревни Глебовской. На второй земской сельскохозяйственной выставке, проходившей в августе 1904 г. в городе Кириллове, «обливные гончарные изделия» этого мастера были удостоены малой серебряной медали³⁶. Позже, в 1930-40-х гг., получило известность имя его родственника — Н. А. Цыганова, который работал мастером на гончарном заводе артели инвалидов «Коллектив» в Кириллове. В 1940-е гг. завод в Глебовской выпускал разнообразную посуду. Известно также, что мастер делал детские игрушки, свистульки.

Крупный гончарный центр находился в деревне Ситское Бураковской волости. Начало гончарному делу там положил А. С. Левашов. Он нашел в болоте недалеко от дома глину-сизовку, а затем в течение зимы обучался гончарному мастерству у знаменитых усть-кубенских гончаров. Вернулся домой уже с купленным ножным гончарным кругом, и вскоре в поле за избой вырос сруб его «завода» — рубленый сарай с двумя отделениями³⁷. В холодном отделении находился горн для обжига сосудов, судницы, хранился

запас глины, в теплой половине стояли ножной и ручной гончарные круги, на полках вдоль стен расставлялись для просыхания изделия.

Левашов наладил выпуск разнообразной посуды, делал попытки открыть кирпичное производство. Вскоре рядом возникли еще две гончарни. Дело мастера продолжали его сыновья, а затем внук — А. П. Левашов (1909-1984), который, к сожалению, оказался по-

следним гончаром в славной династии. В молодости, в 1930-е гг., он работал мастером на кирилловском заводе артели «Коллектив», а начиная с 1941 г., связал свою судьбу с только что возникшим райпромкомбинатом. Кирилловский райпромкомбинат претерпел ряд преобразований, менялось его название, структура, подчиненность, но вплоть до 1970-х гг. А. П. Левашов оставался гончаром-надомником, работавшим по заказам предприятия. Постепенно ветшало строение, где размещалась гончарная Левашова, мастер редко получал помощь в заготовке и подвозке глины, снижался выпуск гончар-

ной продукции. В начале 1970-х гг. мастер выполнил большой заказ для открывавшегося в городе ресторана «Трапеза». Им создавались безупречные по пластике кувшины с овальным или шаровидным туловом, пластично выгнутой шейкой, широкой открытой горловиной, топники для масла, латки для каши, горшки с волохами-крышками, блюда с зелеными разводами на прозрачной глазурованной поверхности. После кончины мастера оборудование гончарни было

Кувшин. Начало 1980-х гг.
Мастер А. П. Левашов

приобретено Кирилло-Белозерским музеем. Керамика А. П. Левашова украшает экспозиции не только музея в Кириллове, но и в других городах³⁸.

В деревне Ситское работал еще один «завод», принадлежавший представителю рода Левашовых, А. А. Левашову. Его керамика представлена в коллекции Сергиево-Посадского музея-заповедника³⁹.

Кроме названных мастеров в райпромкомбинате работали и другие гончары. В общей сложности в первой половине 1940-х гг. на трех сельских заводах работало шестнадцать человек⁴⁰.

Ассортимент изделий был очень широк. Выпускали в течение года девятнадцать наименований посуды⁴¹. Оборót только в январе 1943 г. по гончарной посуде составил 12617 рублей. В 1942 г. ежемесячная зарплата гончаров исчислялась 200 рублями, что было значительно выше, чем в остальных производствах⁴².

Наличие гончарных глин в районе, большая коллекция образцов керамики в Кирилловском музее могут послужить восстановлению промысла.

Кружевоплетение

Среди многочисленных проявлений таланта русского народа искусство плетения коклюшечного кружева является едва ли не самым таинственным и сложным. Возникновение ажурного узора из замысловатого сплетения нитей с помощью деревянных палочек-кок-

люшек для непосвященных кажется непостижимым чудом. Русские женщины начали освоение этого искусства еще в конце XVII в.

Проникнув в русскую северную деревню, особого размаха кружевоплетение достигло во второй половине XIX в. От Вологды, как центра кружевоплетения, промысел распространился во все направления, захватывая главным образом деревни, расположенные вдоль сухопутных трактов и по берегам рек. Это, кстати, хорошо прослеживается в Кирилловском уезде, где кружевоплетением в основном занимались жители деревень, прилежащих к Кирилловскому тракту и водной системе герцога Бюртембергского. Благодаря тому, что значительная часть женщин и детей в Зауломской, Спасской, Бураковской, Ферапонтовской, Великославинской, Талищкой и других волостях занималась кружевоплетением, Кирилловский уезд в конце XIX в. вышел на второе место среди уездов Новгородской губернии по развитию кустарных промыслов⁴⁴.

Развитие промысла проходило под сильным влиянием вологодского кружева. Кирилловские плетели изготавливали так называемые сцепные кружева на восьми-десяти парах коклюшек. Сами кружевницы называли этот способ плетения «косыношным», так как чаще всего им приходилось выполнять косынки и шарфы. Кирилловское кружево не отличалось ни сложностью, ни изысканностью рисунка, однако постоянно находились его ценители, и все выплетаемое кружево раскупалось.

Занятие кружевоплетением было настолько массовым, что в тех деревнях, где оно было распространено, в работу вовлекались даже девочки 8-9-летнего возраста. Особенно большое число кружевниц работало в Ферапонтовской, Волокославинской и Бураковской волостях. По данным за 1904 г., их было не менее пяти тысяч⁴⁵. Основным материалом для кружевоплетения служил шелк, закупаемый в Голландии и Бельгии. Стоимость пуда черного шелка колебалась от 7 до 15 рублей, белый и кремовый стоили еще дороже. Льняные кружева плели в основном для украшения своего костюма, полотенец, скатертей, а иногда для продажи на местных торжках и ярмарках.

Кружевной промысел находился в руках скупщиков-«кубенок», на каждого из которых работало не менее 500 плетей⁴⁶. С одной стороны, это позволяло получать заказы, шелк, не было проблемы со сбытом готового кружева, но с другой — такое положение не могло не отразиться на качестве выплетенного кружева, потому что мастерицы не видели своего покупателя, и в руках скупщика изделие как бы обезличивалось. Кроме того, скупщики не чурались жульнических приемов в отношениях с мастерицами. Часто кружевницы получали шелк от своего хозяина в состоянии повышенной влажно-

сти. Шелк выдавался по весу, но так же по весу принималось и готовое кружево. А поскольку при плетении шелк подсыхал, то кружевница недосчитывалась в своем заработке денег, вычитаемых за недостаток веса, точнее, за высохшую влагу. Иногда к моменту расчета кружевница была должна в лавку хозяина-скупщика гораздо больше, чем она заработала.

Кружевоплетение было занятием не только женщин, но и стариков, детей; плели кружева и парни на зимних посиделках-сборищах сельской молодежи. Плетение кружева отражалось даже на школьных занятиях. Так, к весне школы в Талицкой волости пустели, матери усаживали своих детей — и девочек, и мальчиков — за работу. Все выплетенное кружево сбывалось в Москву и Петербург. Цена изделий при этом возрастала на 300-400 процентов.

Рост интереса к кружевоплетению заставил местные власти думать о создании специальных кружевных классов в уезде. В 1904 г. Кирилловское земство ходатайствовало об организации таких классов, точнее, учебно-показательной мастерской в селе Благовещенье Великославинской волости⁴⁸. Кроме того, чтобы ослабить власть скупщика, предполагалось организовать продажу шелка через склады земства, а также начать прием продукции на комиссию. Это должно было улучшить положение кружевниц.

После революции 1917 г. местные органы также приняли ряд мер по развитию и поддержанию народных промыслов. Работу кустарной промышленности и народных промыслов включили в государственный план, в Вологде организовали курсы по подготовке кружевниц. Их выпускницы разъехались по деревням и селам, передавая опыт кружевоплетения, сколки. В 1926 г. кружевницы Кириллова были объединены в артель, к ним примкнули плетели Никольского Торжка и Талиц⁴⁹. Число работающих в артели достигло двух тысяч. Большая часть артельщиц имела опыт работы. Кроме привычных косынок, шарфов, кружевницы плели многопарные мерные кружева: прошвы, края с мысообразными кромками. Большое значение в этот период уделялось изготовлению больших выставочных предметов, вырабатывавшихся коллективно. Часть кирилловских кружевниц работала в Кирилловпромартели, образованной в 1934 г. В 1938 г. возникло кружевное производство в артели инвалидов «Коллектив». Кружевницы вырабатывали мерное кружево трех-четырёх артикулов. Большая часть выплетенного кружева шла на экспорт. Не прекращалась работа кружевниц-артельщиц и в годы Великой Отечественной войны. Но особенно усердно и много стали плести в 1950-60-е гг.

В 1960-е гг. в Кириллове было проведено несколько выставок народного творчества. Экспонентами выступали женщины в преклон-

ном возрасте, обучившиеся кружевоплетению 40, а то и 50 лет назад. На выставке были представлены предметы для убранства интерьера, украшения для костюма. При изготовлении их мастерицы пользовались старыми, множество раз переколотыми сколками, изредка попадались сколки, выполненные в объединении «Волкружевосоюз», с которым сотрудничали кирилловские кружевницы-надомницы, поэтому большинство предметов на выставках не отличалось новизной.

Плетеная накидка. 1968 г. Автор Е. Ф. Соснина.
Село Колкач Талицкого с/с, Кирилловского р-на

Немногие из старых кирилловских плетей работали в 1970-е гг. В 1975 г. с помощью вологодского кружевного объединения «Снежинка» в двух школах района были введены уроки кружевоплетения в старших классах. Обучение через пять лет прервали, но это помогло влить новую струю в угасавшее кружевное дело. Интерес к кружеву не иссяк, что привело к возникновению кружевного факультета в недавно открытом в городе Кириллове сельском профессионально-техническом училище. Несмотря на все сложности, кружевное дело дожило до настоящего времени, и, думается, мастерицы еще пора-дуют нас творческими удачами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Делекова О. В. Материалы к истории художественной мастерской Кирилло-Белозерского монастыря в XVII-XVIII вв. // Древнерусское искусство. Художественные памятники Русского Севера. М., 1989. С. 158.

² Там же. С. 180.

³ Там же. С. 159.

⁴ Там же. С. 158.

⁵ «Только за один месяц 1727 года на монастырском подворье Кириллова монастыря в Москве было поднесено посуды: Чичерину — 60 ложек; Василию Ивановичу Кудыреву — блюдо, 40 ложек, ковш реччатый; Алексею Андреевичу Владыкину — блюдо, 50 ложек, ковш, трость...» См.: Делекова О. В. Указ. соч. Примечание 30. С. 161.

⁶ Зимин В. И. Воспоминания. Рукопись. Отдел письменных источников Кирилло-Белозерского историко-архитектурного художественного музея-заповедника. (ОПИ КБИАХМ) Ф. 2. Оп. 1. Д. 90. С. 49.

⁷ Там же. С. 50.

⁸ Кирилловский районный государственный архив (далее — РГА). Ф. 15. Оп. 1. Д. 9. С. 9 об. Годовой отчет кирилловского райпромкомбината за 1943 г.

⁹ Изделия местных кустарей, выполненные из бересты, были удостоены бронзовой медали на земской выставке, проходившей в Кириллове с 13 по 15 августа 1904 г. См.: Вестник новгородского земства. 1904. № 3.

¹⁰ Церковники И. Н. Мастер из Альферовской // Новая жизнь. 1972. №40 от 4 апреля.

¹¹ Штурман В. Гармонный промысел в Кирилловском уезде // Вестник новгородского земства. 1904. №13. С. 59.

¹² Бобров М. С. В сердце Руси северной. Вологда, 1959. С. 168.

¹³ Там же. С. 169.

¹⁴ Штурман В. Указ. соч. С. 59.

¹⁵ А. Логинов работал под руководством П. Е. Невского. См.: Штурман В. Указ. соч. С. 62.

¹⁶ Отчет Кирилловского очередного земского собрания // Вестник новгородского земства. 1904. №13. С. 21.

¹⁷ Об образовании артели «Севкустарь» см.: ОПИ КБИАХМ Ф. 3. Оп. 1. Д. 112. Л. 42.

¹⁸ РГА Ф. 222. Оп. 1. Д. 41. «Книга членов артели по уплате паевых взносов в 1925-1928 годах».

¹⁹ ОПИ КБИАХМ Ф. 3. Оп. 1. Д. 112. Л. 42-46.

²⁰ РГА Ф. 222. Оп. 1. Д. 41. Документы по делопроизводству.

²¹ Цыпляев, Выпуск баянов // Ленинское знамя. 1936. №14, 17 января.

²² ОПИ КБИАХМ Ф. 3. Оп. 1. Д. 112. Л. 45.

²³ РГА Ф. 257. Оп. 1. Д. 8.

²⁴ РГА Ф. 147. Оп. 4. С. 17. «Список работников артели инвалидов «Коллектив» по состоянию на 1 сентября 1949 г.»

²⁵ Памятная книжка Новгородской губернии. 1892 год. Новгород, 1892. С. 170.

²⁶ Стронский К. Р. Улучшение кожевенного промысла в Кирилловском уезде Новгородской губернии // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. VII. СПб., 1903. С. 94.

²⁷ Доклад управы о сельскохозяйственной и кустарной выставке явившейся от 13 по 15 августа 1904 года // Журнал Кирилловского уездного земского собрания XXXX очередной сессии. 1904 год. Кириллов, 1905. С. 185.

²⁸ Стронский К. Р. Указ. соч. С. 94.

²⁹ Из хроники Кирилловского земства // Вестник новгородского земства. 1900. №15. С. 32.

³⁰ Кирилловское земство в 1916 г. приняло решение сложить недоимки с кожевенных заводов Андрея Михайлова, Егора Ашамина, Алексея Перебасова. См.: Отчет кирилловского земства за 1915-16 гг. Белозерск, 1916. С. 63.

³¹ Стронский К. Р. Указ. соч. С. 95.

³² Памятная книжка Новгородской губернии. 1892 год. Новгород, 1892.

³³ В сапожном производстве в 1935 году был занят 51 человек. Производилось 4443 пары обуви только по названным коллективам.

³⁴ Макаров Н. А. Отчет о работе Онежско-Сухонской экспедиции института Археологии АН СССР. 1963 г. (ОПИ КБИАХМ ДП. Д. 309).

³⁵ См.: Отчет о встрече с гончарами деревни Малино Суховерховского сельсовета Кирилловского района Вологодской области. Рукопись. Художественный отдел. КБИАХМ.

³⁶ Доклад управы о сельскохозяйственной и кустарной выставке явившейся с 13 по 15 августа 1904 года // Журнал Кирилловского уездного земского собрания XXXX очередной сессии. 1904 год. Кириллов, 1905. С. 185.

³⁷ Варюхицев А. Горшени из Ситского // Сказы о самородах. Архангельск 1978. С. 58.

³⁸ Тимофеева А. А. Керамика Александра Павловича Левашова. (Буклет) Вологда, 1991.

³⁹ Калмыкова Л. Э. Русское гончарное искусство XIX — начала XX веков. Каталог. М., 1976.

⁴⁰ РГА Ф. 15. Оп. 1. Д. 9. Л. 23.

⁴¹ РГА Ф. 15. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

⁴² РГА Ф. 15. Оп. 1. Д. 9. Л. 20. Для сравнения — оплата труда кузнецов составляла 64 руб.

⁴³ Фалеева В. А. Русское плетеное кружево. Л., 1983. С. 20.

⁴⁴ Хроника новгородского земства // Вестник новгородского земства. 1900. №8. С. 3.

⁴⁵ Журнал Кирилловского уездного земского собрания XXXX очередной сессии 1904 года. Кириллов, 1905. С. 184.

⁴⁶ Рыбаков И. Несколько слов о плетении косынок // Вестник новгородского земства. 1903. №14. С. 18.

⁴⁷ Там же. С. 8.

⁴⁸ Хроника новгородского земства // Вестник новгородского земства. 1904. №5. С. 23.

⁴⁹ РГА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 112.

